

МАНИЯ СТЕРИЛЬНОСТИ

ОЛЬГА ГЕРДТ

На новой сцене Большого театра состоялась премьера трех одноактных балетов в постановке Радуги Поклитару («Палата № 6»), Юрия Посохова («Магриттомания») и Алексея Ратманского («Леа»).

Неброские буклеты книжного размера, напоминающие путеводитель и по форме, и по содержанию; хореографы, виновники торжества, неафосно разгуливающие по фойе в антракте; зал, наполненный публикой не до краев, а так, в самую меру, — так интеллигентно и деликатно в Большом, где премьеры, как правило, напоминают похороны (с ордой вопящих клакеров, тоннами цветов и буклетами, неподъемными по размеру и цене), бывает редко. То ли западные привычки Алексея Ратманского дают себя знать (новый руководитель балета и инициатор «Вечера молодых хореографов» достаточно долго танцевал в Канаде и Дании), то ли и впрямь время пришло увлечься стилистикой больше, чем идеологией.

Все три явленных публике балета поставлены и представлены так, словно живем мы в какой-нибудь Гааге, все у нас есть, в том числе и великие произведения, и можно, не надрываясь, заниматься мелочами. Попробовать новых артистов. Занять молодых хореографов. Попросить друга сочинить музыку, а подружку — декорации. И не важно, что оба — впервые в балете. Важны процесс и дружеская атмосфера. Это в старые времена уж если взялся художник за чеховскую «Палату № 6», так непременно должен был доказать человечеству, что ему есть что сказать на эту исчерпанную тему. Не той формации Радуги Поклитару. Его «Палата» ценна не как особенная интерпретация Чехова, а как новая стадия добрых отношений артистов Большого театра с хореографом-ровесником. Учить танцовщика складываться пополам — внезапно, так, словно тебя ударили в пах, орать и хохотать на сцене, прочищая глотку для каких-то будущих синтетических свершений, и прочее

Поклитару начал еще в балете «Ромео и Джульетта» (совместная и очень удачная постановка Поклитару и Доннеллана). Здесь продолжил. Процесс этот столь самоценен, что уже не важно, почему сюжет из Чехова так похож на сюжет из Гоголя, лексикон Поклитару — на лексикон Матса Эка, а внутренний пафос главных героев (Доктор — Юрий Клевцов и Пациент — Денис Савин) отсылает к экстатической озабоченности чем-то глобальным героев Бориса Эйфмана. Важнее, что солисты балета научились, не стесняясь отсутствием танца, без особого дела мотаться по сцене, мимировать как настоящие драматические артисты да по минутно ерзать телом так, словно в разных местах их кусают блохи.

Не важно даже то, что выглядит все как-то вульгарно и нагло. Слово Поклитару передразнивает и Чехова, и себя и заодно показывает публике кукиш: «Ожидали, что буду закреплять успех? Доказывать, что я великий хореограф? Вот вам». И в доказательство главный герой в финале брякается прямо со сцены в оркестровую яму. Юрия Посохова, бывшего солиста Большого театра, а потом солиста Балета Сан-Франциско, поставившего «Магриттоманию», в пофигизме не обвинишь. Он очень патетичен и отличается редким, абсолютно не российским перфекционизмом. По отделке это, наверное, лучший из российских балетов последнего времени. Фирменный западный свет, отличная сценография (художник Тира Харштон, США), цитирующая полотна Магритта. Наконец, хореография, сшитая как концертный фрак. Нашим артистам где-то жмет, где-то мешает — Дмитрий Белоголовцев (Ведущий солист) топорщится торсом, разрывается в прыжках и периодически сбивается на роль Спартака. Но и это не важно. Важно опять же, что Посохову (свой, бывший наш, точно не втюхает) артисты поверили, а некоторые так даже добились творческого результата. Как, к примеру, стильный Ян Годовский, один из

Трех солистов, или Ведущая солистка Екатерина Шипулина — длинноногая, холодная, в красном платье и задумчивых позах непоправимо эффектная.

«Магриттомания» тоже тем не менее не вызывает ощущения события. Зады и задворки даже от многократного повторения и тщательной шлифовки не становятся авангардом. Но ведь и не затаем собрались?

С носом своих поклонников оставил даже тот, от кого мы вправе были ожидать взрыва и прорыва. Новый худрук балета Алексей Ратманский не стал сочинять новую вещь, а передел и передекорировал старую. От «Леи», которую он пару лет назад сочинил для Ананиашвили (тогда о роли девушки, в которую вселился дух возлюбленного Ханана, говорили как о сенсации), не осталось и следа, хотя «выглядит» она намного лучше. Декорации датской художницы Марианне Нильссон — строгая графика, операционная стерильность, платья-колокольчики да условные серые цветочки на юбках и заднике, отсылающие к любой среднестатистической «Свадебке» в славянском духе, — начисто убили жестокую еврейскую легенду. Подобная метаморфоза произошла и с текстом. Вроде остался тем же. Но как будто спрямились линии, оклассичились позы, ушла та неправильность, корявость и резкость «от живота», которая сближала первую постановку «Леи» не только со «Свадебным кортежем» Леонида Якобсона, но и с наивным искусством.

Получается, художественного результата — никакого, а польза вроде есть. Хотя публике до всяких тонкостей дела нет. Ей или скучно, или не скучно. И она просто хочет знать, идти ей на спектакль или не идти. Если честно отвечать, скажу: идите. Но учтите. Спектакль Поклитару — для тех, кто в глаза не видел Матса Эка и не читал «Палату № 6». Балет Посохова — для тех, кто не будет придирчиво искать оригинальные па и комбинации. Новая «Леа» — для тех, кто никогда не видел старую. А так — все чисто.

В «Магриттомании» Юрия Посохова глаз не оторвать от декораций

Посохов Юрий

23.05.04